

КАК ПОМОГАЮЩИЕ РАБОТНИКИ КОНСТРУИРУЮТ ПРОБЛЕМЫ ЦЫГАНСКИХ СЕМЕЙ: ВКЛАД ОБЩИХ И СПЕЦИФИЧЕСКИХ СТЕРЕОТИПОВ О РОДИТЕЛЬСТВЕ

Павел Навратил

Социальная работа с цыганскими семьями развивается медленно и со значительными проблемами – специалисты фиксируют крайне низкий уровень обеспечения прав и потребностей многих детей цыганской общины, и все предпринимаемые меры пока не являются эффективными. Одной из возможных трудностей решения проблемы становится позиция социальных работников, педагогов и медиков, взаимодействующих с цыганскими семьями. Их мерки оценки ситуации в цыганской семье складываются из традиционного понимания родительства и стереотипных суждений о культуре родительства в цыганских семьях. Эти два источника формирования позиции специалистов на практике обуславливают усиление предрассудков как относительно родительства вообще, так и цыганских семей в частности. Основу позиции специалистов составляет следующее убеждение: родители несут ключевую ответственность за благополучие ребенка, тогда как цыганские родители не обладают родительскими компетенциями и потенциалом к их развитию. Отношение помогающих специалистов блокирует развитие вовлечение самих цыган в решение проблемы их социальной интеграции.

Ключевые слова: родительство, социальная эксклюзия, цыганские семьи, стереотипы, социальная работа

Введение

Цыганское население в Чехии неоднородно – значительная часть семей интегрирована в общественную жизнь, выделяется цыганская элита, которая живет по своим правилам, но целевой группой социально-психологической помощи становятся семьи, которые отчуждены от общественной жизни. Основными характеристиками этой группы является безработица одного или обоих родителей, низкий уровень или

нестабильность дохода; риск вовлечения (или опыт) в криминальную деятельность, в первую очередь связанной с производством и распространением наркотиков.

По преимуществу, эту группу составляют те цыганские семьи, которые перебрались в Чехию из Словакии в последние 17–20 лет. Социальная история этих семей связана с жизнью в деревнях, тогда как теперь они живут если не в городе, то в поселках городского типа и чаще всего в обычных городских квартирах. Ряд исследователей приходит к выводу о том, что отчуждение этой группы цыганского сообщества связано с трудностями адаптации к новым условиям [Kovařík, 2003; Navrátil, Musil, 2000; Zajištění monitoringu sociálně vyloučených romských lokalit, 2006]. Значительные пробелы в знании чешского языка еще больше осложняют освоение необходимых для жизни компетенций.

Одна из основных проблем работы с цыганскими семьями заключается во взаимных предубеждениях цыган и «нецыганского»¹ большинства. К сожалению, можно констатировать то, что современная социальная ситуация в Чехии характеризуется выраженной ксенофобией в отношении цыганского населения. Представители экстремистских движений совершают нападения на цыган. Признан факт дискриминации цыган в сфере труда и образования: например, более половины обучающихся в интернатах для детей с отставанием в развитии – дети из цыганских семей. Официально озвучена и проблема необоснованного изъятия детей из семей цыган. Чехия – один из лидеров среди стран Центральной Восточной Европы (ЦВЕ) по количеству детей, помещенных в учреждения общественного воспитания, и значительную долю здесь составляют дети цыган. Как и в других странах со значительной долей цыганского населения (Венгрии, Словакии, Словении), в Чехии распространена практика недобровольного изъятия детей из семей и их помещения в учреждения. Социальные работники указывают на несостоятельность цыганских родителей, но с какими мерками к оценке родительства они подходят? Если первичной целью социальной работы с цыганскими семьями становится оптимизация их интеграции в социум, то вторичной задачей или миссией социальной работы становится уменьшение дискриминации [Navrátil et al., 2003].

Многочисленные исследования указывают на то, что, к сожалению, многие социальные работники в своей практике работы с цыганскими семьями руководствуются стереотипами и предрассудками [Herczog, Neméney, 2007; Žuravcova, Vishwanathan, 2007]. Можно предположить то, что предрассудки помогающих специалистов относительно цыганских семей основываются на двух системах стереотипов: относительно родитель-

¹ Обычно чешские СМИ используют определение «белое» население Чехии, что еще больше подчеркивает националистическую подоплеку цыганского вопроса.

ства вообще и цыганского сообщества в частности. Таким образом, оптимизация системы профилактики кризисов среди семей данной группы должна основываться как на принципах культурно-сенситивной практики, так и на комплексной оценке реализации родительских функций. Можно наблюдать эффект взаимного усиления предубеждений специалистов, работающих с семьями цыганского происхождения, с одной стороны, и родителей и детей данной культурной группы в отношении «чужаков», – с другой. Помогающие специалисты нуждаются в понимании специфики детско-родительских отношений в современных цыганских семьях, в том, как происходит трансформация их традиционных устоев.

Данная статья представляет собой обсуждение результатов исследования, основанного на анализе паттернов родительского поведения в цыганских семьях, которых специалисты относят к группе высокого риска изъятия детей по причине угрозы физическому и психологическому благополучию ребенка. Исследование включало интервьюирование 17 экспертов, имеющих непосредственное отношение к работе с цыганскими общинами. Основным критерием отбора респондентов был их опыт в работе с цыганскими семьями именно в контексте проблем детско-родительских отношений. В выборку были включены как специалисты цыганского происхождения (три специалиста), так и нецыганского (14 специалистов) разных организаций городов Брно и Остравы, центров тех чешских краев (Южно-Моравского и Мораво-Силезского), в которых доля цыганского населения превышает 10 % от доли всего населения.

Среди специалистов нецыганского происхождения подавляющее большинство (11 специалистов) работает в органах социально-правовой охраны детей (7), детских поликлиниках (1) и образовательных учреждениях (2), также среди участников был священник одного из костелов Брно, осуществляющего благотворительную помощь цыганским семьям. Три специалиста представляли общественные организации, которые занимаются сопровождением приемных семей.

Респонденты цыганского происхождения работают в двух общественных организациях Остравы (1) и Брно (2), реализующих программы сопровождения семей, усыновивших детей цыганского происхождения. Общественные организации развивают программы партнерств семей и цыганских сообществ, поддерживают процесс выработки идентичности ребенка цыганского происхождения в нецыганской семье. Анализ динамики развития этих организаций (которые активно действуют около пяти лет) указывает на активное заимствование ими постмодернистского подхода к пониманию проблем семьи. Но этот опыт оказывается отчужден от деятельности служб социально-правовой охраны детей, которые как раз и осуществляют мониторинг семей и вмешиваются в дела семей.

Модель интервьюирования была разработана в ориентации на систему оценки семей в трудной жизненной ситуации, разработанную в США

[Holland, 2004], где осуществлялось выделение нескольких родительских функций, по реализации которых и оценивается состоятельность исполнения обязанностей родителями. Эти функции включают заботу о первичных потребностях ребенка (питание, условия жизни, забота о здоровье); обеспечение безопасности и стабильности условий жизни ребенка; эмоциональная привязанность и поддержка; стимуляция развития; установление и поддержка границ в коммуникации и признания автономии каждого члена семьи. В соответствии с критериями оценки обеспечения каждой из функций была разработана первая часть программы интервью. Вторая часть включала вопросы относительно социального капитала семей: о составе семьи и семейной истории; о жилищных условиях семьи; о занятости родителей и других членов семьи работоспособного возраста; доходах и их источниках; соседских связях и других характеристиках социальной интеграции.

Как родители справляются с исполнением обязанностей?

Родители цыганского сообщества сталкиваются с двумя сильно различающимися системами критериев оценки родительской состоятельности. Одна система соотносится с мерками, с которыми подходят социальные работники, – критериями, соответствующими традиционному европейскому пониманию «хорошего родительства». Можно по-разному относиться к устоявшимся представлениям о том, какой именно родитель – хороший, однако исследование показывает, что помогающие специалисты активно оперируют традиционными представлениями при оценке функционирования цыганских семей. Эта традиционная система оценки семьи транслируется родителям цыганского сообщества, и в той или иной степени они вынуждены с этим считаться.

Другая система, которая регулирует детско-родительские отношения в цыганском сообществе, соответствует представлениям о любви, заботе и привязанности, принятым среди цыган. Эти представления закреплены в культурных традициях этноса. Преобладание коллективного воспитания над индивидуальным воспитанием, приоритет эмоциональной привязанности над другими типами связей и другие характеристики этой родительской культуры не вполне привычны для помогающих специалистов. Кроме того, сами родители противопоставляют свои ценности тем, которые предлагаются профессионалами.

Можно говорить и о том, что все возрастающая инициатива международных правозащитных организаций, занимающихся защитой прав цыган в странах Центральной Восточной Европы, задает еще одну систему критериев, которая стремится соответствовать европейским критериям обеспечения прав человека, закрепленным в основных документах ЕС, Европейской Конвенции по правам человека, Социальной Хартии. В первую

очередь, эта инициатива соответствует намерению поддержать самобытность малого этноса. Также инициативы Европейского Центра защиты прав цыган (European Roma rights centre) соотносятся с постмодернистским пониманием права на уважение семейной и частной жизни, основу которого составляет идея приоритета автономии семьи [Pierson, 2003]. Однако эти идеи достаточно далеки от практики полевых соцработников, более того, как показывают опросы, многие из соцработников не знают о решениях Европейского суда по правам человека против Чехии, принятых в 2006 и 2007 годах, и касающиеся непосредственно обеспечения прав родителей [Žigovcová, Vishwanathan, 2007].

Современная ситуация в сфере обеспечения прав детей из цыганских семей, таким образом, характеризуется многообразием ценностных оснований для суждения о проблеме. И эти основания входят в разнообразные противоречия между собой. Специалисты, работающие с цыганскими семьями, отчуждены как от понимания культуры родительства в цыганских семьях, так и от понимания того, чем руководствуются правозащитные организации, инициатирующие защиту прав цыганских родителей и детей на международном уровне.

Есть несколько тенденций в формировании позиции специалистов относительно проблем цыганских семей. Эти тенденции вписываются в так называемый постколониальный дискурс, определяющий отношение к «чужому», а цыгане остаются для остального населения Чехии чужаками [Bhabha, 2006]. Наибольшее распространение в практике социальных работников получила инфантилизация родителей – подчеркивание их неспособности взять ответственность, отсутствие регуляторов, соответствующих поведению взрослого, упрощенная картина мира. Специалисты склонны делить цыган на «правильных», готовых к интеграции, и социально неадаптированных, отвергающих «правила игры» цивилизованного общества. Такая дихотомия ограничивает понимание специфики родительской культуры цыган и содействует противоречивой оценке поведения родителей и развитию ребенка – специалисты оперируют взаимоисключающими суждениями, которые позволяет прийти к негативной оценке функционирования семьи при любом раскладе ситуации. Кроме того, среди специалистов преобладают негативные оценки функционирования семей вплоть до восприятия родителей как опасных для детей, затруднения в поиске ресурсов внутри сообщества и семьи, упование на реактивные стратегии вмешательства, основанные на использовании исключительно внешних ресурсов (например, при изъятии ребенка из цыганской семьи специалисту органов социально-правовой охраны детей не придет в голову устроить ребенка в другую, более благополучную семью в том же сообществе). Соответственно, ситуация с цыганскими семьями по преимуществу определяется как безысходная и практически неразрешимая.

Инфантилизация родителей

Инфантилизация родителей, которая отличает позицию специалистов, вполне сопоставима с инвалидизацией таких групп родителей, как несовершеннолетние матери, родители с ограниченными возможностями. Описывая несостоятельность родителей-цыган, многие респонденты прямо или косвенно указывали на то, что родители не обладают достаточным уровнем сознательности, то есть понимания проблем воспитания ребенка, которые требуют решения. Соответственно, поведение родителей в самых разных ситуациях интерпретируется как безответственное и бездумное:

Дети, приходя в школу, стыдятся того, что немывы, от них пахнет, а мать может делать вид или в самом деле не понимать, что в этом плохого (Информант 10).

Если ребенок пропускает школу, то сто из ста, что родитель будет его покрывать. В первую очередь цыганский родитель поверит ребенку – а потом педагогу (Информант 6).

Респонденты связывают незначимость образования среди родителей цыган с их безответственностью: *«Родители не признают за собой никаких обязанностей и терпимы к тому, что их дети не берут на себя обязанность посещать школу и делать домашние задания»* (Информант 4).

Один из респондентов указал на то, что ребенок, не приученный к требованиям дома, не станет подчиняться требованиям в школе: *«Дома ребенок видит, что все позволено, и не считает нужным вести себя иначе»* (Информант 7). Вопросы о том, а как оценивают родители цыгане значение образования, ставили часть респондентов в тупик – поскольку вывод о незначимости образования делался на основании признания того, что родители безответственны. При этом большинство респондентов связывают образование с обязанностью детей и семей и не оперируют такими подходами, как «образование для жизни», «спонтанное образование».

Специалисты подчеркивают, что родители не справляются с задачей контроля и поддержкой дисциплины в воспитании детей, поскольку сами не придерживаются особого распорядка дня: *«Там полная воля – у родителей нет никаких требований к детям, и не воспитывают детей в соответствии с какими-то требованиями»* (Информант 3). Волонтаризм родителей рассматривается как образец подражания для детей: *«Дети встают, когда хотят, делают что хотят, идут, куда хотят»* (Информант 1). Пояснений относительно того, почему это плохо, респондентами не дается.

Респонденты часто указывают на две очевидно взаимоисключающие особенности в детско-родительских отношениях цыганских семей – отсутствие требований со стороны родителей и неэффективность родительского контроля: *«У ребенка нет никаких правил, которым он должен под-*

чиняться. *Он может открыто, с усмешкой сопротивляться требованиям родителей, а те ничего не могут сделать»* (Информант 5). Вопрос о том, какие требования родители предъявляют детям, ставит многих респондентов в тупик – им гораздо проще ответить на вопрос о том, какие требования дети не выполняют: например, многие отвечающие указали на то, что дети смотрят телевизор, когда захотят; не имеют режима; не выполняют обязанности по дому.

Противоречия в подходе затрудняют как рефлексию, так и планирование работы с родителями – у специалиста с такими установками всегда готов приговор родителю – по той или иной статье. Поскольку система оценки родителей по большей части ориентирована на поиск того, что родители делают «не так», то и применяемые родителями меры воздействия воспринимаются респондентами по большей части скептически. Скепсис относится как к обоснованности наказания: *«Наказание не обоснованно, случайно, зависит от настроения родителей»* (Информант 3), так и к эффективности такого наказания: *«Мать чуть ли не к чёрту ребенка посылает, кричит, а четырехлетний ребенок в ответ смеется»* (Информант 9).

Недостаток контроля со стороны родителей связывается респондентами и с криминальным поведением детей: *«Родителей вообще не интересует, откуда их ребенок берет новые вещи или деньги, ни мать, ни отец не станут спрашивать, откуда ребенок берет тот или иной предмет»* (Информант 1). Часть опрошенных указывает на то, что этот подход определяется культурой, которая предписывает такое воспитание: *«Это традиционное цыганское воспитание: они идут той же дорогой, что и их предки, и их дети будут воспитывать своих детей так же. Детей не ограничиваем, любим, даем им всю любовь, которая есть, и ничего не требуем взамен»* (Информант 2).

Остается неясным, воспроизводят ли респонденты то, что слышат от своих клиентов, или делают свой вывод о родительской культуре цыган. Большинство опрошенных коннотируют цыганские традиции семейной жизни с чем-то отсталым и не соответствующим современным стандартам отношений. В первую очередь, это связывается с супружескими отношениями: *«И сейчас можно увидеть, как идет по улице гордый цыган, в руках ничего нет, а за ним идет жена, нагруженная сумками»* (Информант 13).

Респонденты нецыганского происхождения подчеркивают, что традиционное представление о распределении обязанностей в семье входит в противоречие с реальностью цыганской семьи:

Конечно, на консультации в департамент приходят мужчины, но жены знают лучше, что происходит в семье, и от них толку больше (Информант 4).

Хотя и считается, что муж семью обеспечивает, а жена ведет хозяйство, но мужчины-цыгане много чаще безработные, а женщины и работают, и ведут хозяйство (Информант 1).

Однако респонденты-цыгане по иному интерпретируют традицию распределения ролей в семье: *«Это своеобразный матриархат – женщина отвечает почти за все, и принимает большинство решений, тогда как мужчина определяет, что надо сделать»* (Информант 15). Вопрос о том, насколько такое распределение ролей мешает интеграции цыганских семей, преобразуется респондентами-цыганами во встречный вопрос о том, а нет ли и в «белом» чешском социуме матриархата: *«Чехи сталкиваются с теми же проблемами. Просто они это скрывают»* (Информант 16).

Ситуация в цыганских семьях респондентами-нецыганами характеризуется «ценностным вакуумом» (по выражению одного из респондентов). У специалистов создается представление о несостоятельности ценностей, которыми руководствуются родители-цыгане. Обобщенное определение семейной жизни цыган включает и такие дефиниции, как хаос: *«В семьях нет такого, чтобы все вставало в одно время, вместе ели, что-то вместе делали. Это выглядит как хаос»* (Информант 6). Рассогласованность между родителями рассматривается как проявление все той же несостоятельности: *«Нет ничего особенного в том, что один родитель запрещает, другой разрешает»* (Информант 10).

Таким образом, по мнению опрошенных, речь идет не об отдельных пробелах в родительских компетенциях и навыках организации семейной жизни отдельных людей, но о системных изъянах, опосредованных спецификой культуры, которая не соответствует современной жизни. Такой тип несостоятельности родителей интерпретируется специалистами как прямое указание к контролю за семьями. Если такого контроля не будет – ситуация может стать угрожающей для здоровья и жизни ребенка:

Дети не прививаются. Чаще всего, – придет медсестра и привьет ребенка дома (Информант 8).

Они [родители] хотят выполнить любое желание ребенка – оглянуться не успеешь, а у трехлетнего ребенка с диатезом шоколадка или леденец во рту (Информант 9).

Инфантилизация родителей со стороны специалистов сказывается на стилистике повседневной коммуникации профессионалов и цыган – патернализм проявляется в чрезмерно назидательном тоне, перегруженности поведения специалиста оценками качества родительства. Инфантилизация затрудняет поиск ресурсов родителей и формирования стратегии, основанной на сильных сторонах родительской позиции.

Следует указать на сходство данной позиции чешских специалистов с выявленной установкой у венгерских социальных работников, которые склонны объяснять чрезмерное количество детей цыган в учреждениях тем, что в цыганских семьях «детей слишком много, родители не могут уделить им столько времени, сколько нужно» и тем, что «забирают не у цыган, а у недобросовестных родителей, и мы не виноваты в том, что это

часто – цыгане». Инфантилизация специалистами родителей, по мнению исследователей из Венгрии, и приводит к блокированию кооперации специалистов и родителей [Herczog, Neménye, 2007].

Противоречивость в оценках качества родительства

Противоречивость в оценках качества родительства проявляется в первую очередь в том, что специалистам трудно оценить состоятельность родителей при исполнении таких функций, как обеспечение безопасности ребенка, поддержки его развития и эмоциональные отношения между родителями и детьми. Позицию многих респондентов можно охарактеризовать как комбинацию двух взаимоисключающих критериев при оценке той или иной родительской функции. Такой подход обеспечивает специалистам возможность обосновать несостоятельность родителей-цыган в самых разных обстоятельствах. Можно указать на несколько пар таких взаимоисключающих критериев, которыми специалисты оперируют при оценке исполнения родительских обязанностей в цыганских семьях: сильная и бессмысленная любовь; коллективное воспитание при чрезмерной автономии; асинхрония развития детей при тотальном отставании в развитии.

«Сильная любовь vs. бессмысленная любовь»

С одной стороны, почти все опрошенные специалисты убеждены в том, что между родителями и детьми существует сильная эмоциональная взаимная привязанность:

Дети для них святое (Информант 10).

Думается, что дети так важны, что ради них и родители могут достигнуть больше, чем без них (Информант 13).

Вместе с тем респонденты не однозначны в оценке роли такой привязанности для развития ребенка. Одни указывают на то, что любовь родителей бесцельна и даже разрушительна: *«Такая родительская любовь – сильная и бесцельная»* (Информант 12). В ответ на просьбу привести примеры негативного следствия привязанности респонденты указывают на такие факты: *«Ребенок опоздал в школу, я спрашиваю: “Почему?”, а мама отвечает: “Жалко было будить – он крепко спал”*» (Информант 10). Опрошенные указывали и на то, что любовь родителей связана с количеством денег: *«Родители хотят детям всего лучшего – мать может расстроиться, если не купит ребенку любимый йогурт или приглянувшуюся вещь, но это пока есть деньги...»* (Информант 12). Среди социальных работников имеет место стереотип, согласно которому привязанность матери к ребенку тормозит его развитие – поскольку мать выполняет все за ребенка, то ребенок не получает достаточно стимуляции: *«Даже большого ребенка*

могут воспринимать как маленького и чрезмерно заботиться о нем – принимать за него решения» (Информант 4).

Наблюдения за цыганскими семьями показывает, что родители привязаны к детям, что проявляется в гармоничном физическом контакте матерей и младенцев, чувствительности к настроению ребенка, непосредственности отношений [Navrátil, Šišláková, 2004]. Наблюдения за взаимодействием матерей и новорожденных указывают на то, что цыганские матери чаще других взаимодействуют с ребенком, проводят с ним больше времени, не страдают различными типами депрессий, связанных с выработкой новой роли [Šimíková, Bučková, Smékal, 2003].

Респонденты-цыгане указывают на то, что отношение к родительству цыган и у самих цыган проникнуто установками: *«Все хотят мальчика, мальчики – самое главное, принятие ребенка есть, но к мальчику будет особое отношение»* (Информант 16). Можно говорить о том, что если респонденты-нецыгане склонны видеть цыган по преимуществу плохими, а успешных – как исключение, то респонденты – сотрудники общественных организаций – схожим образом судят о социальных работниках государственных служб. В обоих случаях такое деление вписывается в постколониальный дискурс «чужака», который предполагает деление чужаков на «хороших», что исключение, и «плохих», что представляет тенденцию [Bhabha, 2000]:

Есть исключения, родители прислушиваются и стремятся измениться, но это много реже, чем обычная практика пропустить все мимо ушей (Информант 4).

Иногда и социально-правовая охрана стремится разобраться в ситуации, но это редкая практика. А вообще не хотела бы я оказаться на их месте (Информант 12).

Вот как респонденты-цыгане описывают эмоциональное состояние сообщества после изъятия ребенка: *«Это всегда шок, особенно если забрали ребенка лет до 10, такое воспринимается как преступление, принять после этого социальные службы никто не хочет»* (Информант 17).

Однако тема привязанности остается на периферии профессионального интереса – и не только чешских специалистов. Так, исследование установок словацких соцработников убеждает в готовности специалистов противопоставить возможности кровной семьи цыганского ребенка и семьи приемной. Если биологическая семья не предоставляет ничего, кроме привязанности, то приемная семья выполняет все социально значимые функции [Zajištění monitoringu sociálně vyloučených romských lokalit... 2006]. Общая установка социальных работников на семью как «ячейку общества» наблюдается и у венгерских коллег, которые, скорее, готовы вкладывать силы в развитие усыновления, чем профилактики изъятий детей [Herczog, Neményi, 2007. P. 7].

«Коллективное воспитание vs. чрезмерная автономия»

Еще один комплекс противоречивых установок при оценке функционирования цыганских семей включает указание на то, что в среде цыганского сообщества дети не имеют своего собственного пространства, и вместе с тем на то, что дети предоставлены сами себе, их жизнь никем не организуется: *«Родители настаивают, чтобы все решалось сообща, не считают, что у ребенка должно быть свое собственное место»* (Информант 5).

Респонденты указывают на то, что для ребенка в цыганской семье небезопасно стремиться к автономии:

Если ребенок стремится иметь свои вещи, свои секреты, свое место, если он сам принимает решение, то родственники обязательно скажут ему, что он ведет себя как «неверный» (Информант 11).

Респонденты подчеркивают, что отличительной особенностью социальной традиции цыган становится непереносимость одиночества – самое страшное наказание для цыгана быть изгнанным из сообщества: *«Одиноким человеком был тот, кого за какую-то провинность признан нечистым (“mahrimе”), и выгнан из группы, если человек одинок – значит, совершил непростительный проступок»* (Информант 16). Дети не умеют быть предоставленными сами себе – потому что одиночество воспринимается ими как наказание. Групповой контроль используется много чаще традиционного для европейской семьи индивидуального контроля и самоконтроля. При этом многие специалисты указывают на условную эффективность коллективного подхода к воспитанию: *«Среди цыган не принято публично обсуждать проблемы семьи, даже если в семье кто-то сделал нечто общественно осуждаемое. Семья представляется как беспроблемная»* (Информант 14).

Однако сами цыгане иначе воспринимают практику «внутренней разборки»: *«Семья – это не только мама, папа и дети, это все родственники, это клан, в котором есть свой судья, и он знает лучше любого другого, как наказать провинившегося»* (Информант 15).

Вместе с тем эти же респонденты указывают на то, что *«у детей масса свободного времени, поскольку взрослые им не говорят, что делать, то дети предоставлены сами себе»* (Информант 3).

Таким образом, специалисты по большей части отрицают способность родителей выполнять функцию, связанную с выстраиванием границ в коммуникации ребенка и родителя. Как и относительно других функций, в отношении этой специалисты скептически относятся к способности родителей справиться с задачей установления границ – скепсис оправдывается тем, что особенности поведения родителей обусловлены культурой. Опираясь обоими критериями, специалисты фокусируются на

предопределенной неспособности родителей содействовать формированию идентичности ребенка.

«Асинхрония развития vs. отставание в развитии»

Среди многих специалистов распространено мнение о том, что цыганские дети при достижении возраста начала школьного обучения настолько сильно отстают в развитии, что компенсация пробелов практически не представляется возможной. Незнание языка, недостаток образовательной среды на этапе дошкольного воспитания, пробелы образования самих родителей приводятся как доводы в пользу того, чтобы дети из цыганских семей получали специальное образование.

Однако, как показывают исследования, цыганские дети отличаются достаточно высоким, хотя и рассогласованным уровнем развития. Сильная эмоциональная детско-родительская связь и акцент на социальном сопротивлении содействуют тому, что психическое развитие детей отличается асинхронией: они быстрее сверстников овладевают социальными компетенциями, обладают лучшим моторным развитием и практическим интеллектом, и не всегда готовы применять абстрактное мышление. По преимуществу респонденты оценивают эту асинхронию как следствие неадекватных условий развития:

Даже [выделено автором] маленькие дети могут быстро ходить и ловко двигаться, быстро говорят (Информант 1).

Ведут себя не как дети, а как умудренные взрослые (Информант 11).

Специалисты отмечают эту особенность развития и считают ее одной из причин того, что дети не могут обучаться в школах – ведь невербальное развитие не так важно для школьных успехов, как знание языка [Navrátil, Musil, 2000]. Следует указать на то, что большинству детей присущ эффект асинхронии развития, если в оценке развития ребенка исходить из тех или иных возрастных нормативов. Однако специалисты не задумываются над ограничениями нормативного подхода к оценке развития ребенка: требования школьной программы кажутся им непререкаемыми стандартами, соответствие которым связано с нормой развития, а несоответствие – с отставанием.

Иной цикл жизни, более ранний возраст ухода из жизни (по данным последних исследований разницы среднего возраста жизни между цыганами и нецыганами составляет порядка 12 лет [Zajištění monitoringu sociálně vyloučených romských lokalit... 2006]), более раннее взросление – вот доводы в пользу адаптации системы образования к цыганским детям со стороны цыган-респондентов: *«Этим детям надо что-то, кроме обычных уроков математики и географии, они видят и другую жизнь, и школа им не помогает в совладании с этой жизнью»* (Информант 16). И этот вопрос остается открытым для дискуссии – особенно в контексте того, что сосед-

ние страны выбирают весьма различные стратегии адаптации детей из цыганских семей к системе образования. Так, Словакия предполагает с октября 2010 года ввести массовую практику помещения детей из цыганских семей в интернаты, и цыганские общественные организации высказались в поддержку этой идеи как возможности обеспечить образование для основной части детей [Zajištění monitoringu sociálně vyloučených romských lokalit, 2006]. Однако в Венгрии и Чехии специалисты придерживаются иной точки зрения, а именно необходимость спецификации образования, в том числе, введения особых программ поддержки изучения истории цыган, языка и культуры [Žurovcová, Vishwanathan, 2007; Herczog, Neményi, 2007].

Негативизация образа родителей как основа профессионального пессимизма

Во многих странах Центральной Европы практика насильственных изъятий детей из цыганских семей столь же распространена, сколько и осуждаема институциями ЕС. В Венгрии, Словении, Словакии и Чехии значительное число детей, помещенных в детские дома и специальные учреждения, – из цыганских семей. И несмотря на разнообразные стратегии минимизации этого явления, страны пока не могут справиться с данной проблемой. Несомненно, особое значение в устойчивости тенденции изымать ребенка имеет установка специалистов. А родитель в первую очередь воспринимается помогающими профессионалами как источник проблем и рисков для развития ребенка. Эти установки связываются специалистами с разными аспектами устройства жизни ребенка, от питания до взаимодействия с внешним миром.

Тема распространения ожирения среди цыганского населения представлена во многих СМИ и даже отражена в специальной программе пропаганды здорового образа жизни среди цыган [Kovářík, 2003]. Соответственно, и социальные работники склонны придавать питанию детей особое внимание: *«Можно наблюдать настолько неправильный подход к организации питания ребенка, что это можно расценивать как угрозу здоровью и жизни ребенка»* (Информант 8).

Однако и такие традиционные риски здоровью ребенка, как физические наказания, весьма актуальны: респонденты указывают и на то, что наказание может быть жестоким, зависящим от настроения родителей, которые когда теряют терпение, бьют ребенка, при этом оперируют отсылкой к пониманию насилия обычными людьми: *«С точки зрения обычного человека родители в цыганских семьях бьют детей жестоко – по голове, лицу»* (Информант 2). Специалисты отмечают и несоразмерность применения физического наказания: *«Ребенок может получить шлепок и за небольшую провинность»* (Информант 4).

Школьные неуспехи ребенка респонденты связывают с многочисленными пробелами в социальной ситуации развития ребенка в дошкольный период: *«Дети не имеют игр и игрушек, у них нет ни карандашей, ни ручек»* (Информант 2). Этот комментарий отражает распространенную установку считать цыганских родителей неспособными обеспечить подготовку к школе.

Генерализированная позиция «цыганский родитель – плохой, негодный родитель» приводит к тому, что специалисты отказывают такому родителю в праве на помощь: родитель настолько плох, что ребенка следует спасать от отца и матери, а не помогать им. Эта установка имеет и другое следствие, а именно негативизацию образа самого ребенка. В высказываниях о детях проглядывается брезгливое отношение: *«Многие дети носят одежду, которая подошла бы много старшим детям. Одежда может быть дорогой, но нестиранной. Многие донашивают одежду за старшими и выглядят странно»* (Информант 6).

Часть респондентов указывало на типичность криминального поведения и асоциальных привычек среди подрастающих детей. Таким образом, среди специалистов складывается представление о том, что чем раньше ребенок покинет неправильную среду, тем больше шансов к его позитивной социализации. Тем более что опыт соседей – Словакии – как раз располагает к позитивной оценке жесткой стратегии ассимиляции цыган. Снижение социальных выплат семьям с детьми при условии безработности обоих родителей, помещение детей в спецшколы и политика контроля рождаемости оцениваются частью специалистов в Чехии как возможная для заимствования стратегия [Kovářík, 2003].

Однако дальнейшее обсуждение проблемы устройства таких детей указывает на то, что специалисты воспринимают изъятие как вынужденную меру, а возможность иного устройства ребенка, чем в учреждение, ими не рассматривается. Те, кто сталкивается с нецыганскими семьями, усыновившими цыганского ребенка, видят ситуацию с другой стороны и указывают на то, что одной из проблем выработки теплых отношений и вторичной привязанности становится *«жестокое прошлое»* – а именно так представители общественной организации описывают большинство случаев изъятия детей. Все опрошенные общественники указали на однозначно негативный опыт детей, переживших изъятие и помещение в центр диагностики (структуру, которая определяет место дальнейшего помещения ребенка). Однако и общественники не могут предложить решение дилеммы «изымать или не изымать». Некоторые из них указывают на то, что возможно, имеет смысл изымать детей в раннем возрасте с моментальной передачей в приемную семью. В качестве обоснования приводится довод о большем количестве детей в семье: *«В этих семьях по 5–6 детей – они, может быть, будь уверены, что ребенок попадет в хорошую семью, и сами бы отдали»* (Информант 15).

Как оценки, которые специалисты воспроизводят относительно цыганских семей, так и очевидное затруднение в определении своей роли в преодолении этих затруднений, предопределяют весьма пессимистический настрой специалистов относительно перспектив интеграции цыганских семей в чешское общество. Материальный статус семей и то, что специалисты определяют проблемой безопасности, – основные темы, относительно которых опрошенные высказались как о самых важных, но и самых трудно решаемых проблемах.

Материальные проблемы цыганских семей настолько велики, по мнению высказывавшихся, что не представляется возможным выработать способ их разрешения:

Они живут в домах самой низкой категории, и не могут вовремя платить аренду, жилищно-коммунальные платежи (Информант 13).

Из-за дурной славы им [цыганским семьям] сдают квартиры на небольшой период с предоплатой, часто вынужденно, пока не найдут клиента понадежней, поэтому часто семьи не могут устроить жизнь ребенка стабильно (Информант 15).

Как и в Словакии, в Чехии сложилась практика образования «гетто» – когда семьи занимают определенный район, и постепенно из этого района уходит другое, нецыганское население. Уровень обслуживания жилищного фонда в этих районах снижается, а если принять во внимание 50-летний срок существования «цыганского» вопроса и таких ареалов, то можно представить состояние жилья. По оценке специалистов дома, в которых живут цыганские семьи, «дряхлеют», однако капитальный ремонт этих зданий не осуществляется [Šišková, 2001].

Однако многим свойственно противопоставлять свое беспокойство и непонимание самими цыганами проблем, связанных с жильем. Это еще одно проявление отношения к цыганам как людям инфантильным и не понимающим сути социальных проблем. Не стали исключением и респонденты исследования: *«В одной комнате может жить до 12 человек, туалет на несколько квартир в общем коридоре, горячей воды нет – и такие условия принимаются за норму»* (Информант 3).

При этом отвечающие склонны противопоставить свое представление о том, чего не должно быть, «абсурдным» представлениям самих цыган. Все опрошенные указывают на то, что родители внушают детям представление о небезопасности внешнего мира, необходимость ограничивать контакт с этим миром:

Из дому цыганские дети выносят убеждение, что мир зол и несправедлив, что белое сообщество – это источник угрозы цыгану (Информант 1).

Родители с момента рождения ребенка внушают мысль, что большинство [чешское общество] – опасно и не принимает цыган (Информант 7).

Почти всегда в первую встречу с «белым» цыганский ребенок будет дичиться белого и не подпустит его к себе (Информант 4).

Важно отметить, что и сотрудники НКО указывают на данную проблему и рассказывают, сколько сил им требуется для ее преодоления: *«Нецыгане представляются детям как те, кто не будет их понимать, никогда им не поможет, ни будет проявлять никакой симпатии»* (Информант 13).

Проблема взаимного недоверия между цыганским и нецыганским населением, несомненно, существует, однако тот градус аффекта, с которым эта проблема обсуждалась респондентами, располагает думать, что респонденты предпочитают считать этот барьер коммуникации почти непреодолимым и оскорбительным для них: *«Разговаривали с маленьким мальчиком о рае, и он спросил, будут ли в раю нецыгане»* (Информант 11).

Те, кто участвовал в опросе, усматривают в поведении цыганских родителей прямое свидетельство их намерения ограничить коммуникацию и влияние нецыган: *«Большинство цыганят не здороваются, когда приходят на прием. И если я сделаю замечание, то мать ребенка попросит меня не воспитывать ее дитя»* (Информант 8). Многие категоричны в своем утверждении, что цыганские семьи сами ограничивают свою коммуникацию с нецыганским сообществом: *«По преимуществу они общаются между собой, а с другими людьми [нецыганами] общаются по необходимости – в службах, магазинах»* (Информант 3). Специалисты указывают на то, что родители склонны приписывать все проблемы, которые возникают в семье внешнему влиянию: *«Дома дети слышат, что любая проблема или трудность, с которой сталкивается семья – от белых, чтобы не говорил белый – родители так повернут, что это кривда и несправедливость»* (Информант 6). Респонденты из общественных организаций подчеркивают «глухоту» сотрудников служб социально-правовой охраны детей к тому, что они сами ограничивают возможность для выработки конструктивных отношений: *«Они сами не видят, как рушат доверие к себе»* (Информант 17).

Владение чешским языком рассматривается большинством опрошенных основным и непременным условием интеграции детей в образовательную среду. Собственно, именно незнание языка не позволяет цыганским детям поступать в обычную чешскую школу, поскольку все будущие первоклассники проходят тесты, требующие достаточно высокого уровня знания языка. Из-за незнания языка дети из цыганских семей демонстрируют низкий уровень выполнения тестов, что приравнивается к отставанию в умственном развитии. Именно поэтому в школах для детей с отставанием в развитии по преимуществу обучаются дети из цыганских семей [Žigovcová, Vishwanathan, 2007]. И если международные организации утвердили общее

мнение об этой практике как недопустимой, собственно решения проблемы пока не найдено. Отрывочные инициативы обучения чешскому языку направлены на детей, но не взрослых, и среда остается по преимуществу не чешскоговорящей. Вместе с тем специалисты склонны считать родителей главными ответственными за освоение чешского языка. Так, они весьма эмоционально оценивают недостатки владения чешским языком в цыганских семьях: *«Совершенно недоступная понимаю смесь языков, с которой ребенок приходит в школу. А родители думают, что ребенок вполне владеет чешским языком и может учиться»* (Информант 10).

Часть респондентов связывает недостатки вербального развития с материальным состоянием семьи: *«Чем беднее семья, тем чаще там говорят на смеси ромского, словацкого и чешского, тем меньше надобность у родителей осваивать чешский»* (Информант 14). Такое увязывание составляет основу порочного круга эксклюзии: беден – не знает языка – не получает шанса на улучшение ситуации – остается бедным. При этом специалисты связывают овладение чешским языком с силой стремления цыганских семей интегрироваться в чешский социум: *«Это важно, чтобы семья видела связь между чешским языком и состоятельностью ребенка. Семьи, которые хотят быть приняты обществом, от колыбели говорят с ребенком на чешском и сами его учат»* (Информант 7). В решении вопроса чешского языка специалисты государственных служб придерживаются идеи полной ответственности самих цыган. Никто из этих специалистов не обсуждал проблему восстановления цыганского языка и укрепления собственно «цыганской» идентичности как фактора оптимизации социальных навыков цыган и семей.

Если сравнить то, как специалисты описывают проблемы цыганских семей, с тем, как они представляют стратегии решения этих проблем, то можно убедиться в доминировании пессимистических настроений. О проблемах респонденты говорили охотно и много, а о возможностях решения – весьма коротко и без особого стремления разрешить проблему с привлечением самих цыган. Поскольку кризисная интервенция в семьи осуществляется государственными службами, а семейным устройством детей из цыганских семей по преимуществу занимаются различные НКО, то существует и проблема недостатка ответственности в их деятельности.

Заключение

Формальный подход социальных работников к оценке функционирования цыганской семьи становится одним из барьеров в формировании эффективной системы обеспечения прав детей в цыганском сообществе. Сложившиеся практики эксклюзии цыган, включая практику изъятия детей и помещения их в закрытые учреждения, не могут быть преодолены

вне преобразования установок специалистов. Изучение мнения специалистов показывает, что неисполнение какого-либо из традиционных обязательств со стороны родителей (например, своевременных прививок ребенку, невнимания к школьной успеваемости), по мнению многих специалистов, становится основанием для ограничения родительских прав и возможного изъятия ребенка из семьи.

Недостаточность системного подхода к оценке детско-родительских отношений содействует тому, что специалисты занимают реактивную позицию, основанную на признании полной неспособности родителей разрешить ситуацию. Отношение специалистов к проблемам цыганских семей базируется на не критичном принятии идеи о том, что правильное родительство построено на принципах социализации и подчинения общепринятым нормам. Несоответствие этим нормам оценивается как неспособность справиться с задачей воспитания ребенка. Происхождение дискриминационных установок связано не только с предрассудками в отношении цыган, но и доминированием традиционного дискурса родительства среди специалистов.

Представляется, что оптимизация установок специалистов в первую очередь требует критического подхода к сложившимся критериям оценки семей и детей, освоения помогающими специалистами альтернативного подхода к конструированию критериев оценки семей и родительства. Повышение чувствительности к специфике родительства в цыганских семьях предполагает пересмотр отношения к различиям. Принятие таких различий требует не только толерантности, но актуализации значения частной жизни и автономии.

На данный момент возможные источники преобразования позиции профессионалов блокированы: помогающие специалисты практически не информированы ни о решениях ЕСПЧ по «цыганским» делам, ни о европейских дебатах относительно этих решений; среди сотрудников государственных служб не распространяется информация о все возрастающей конкуренции различных дискурсов семьи и родительства; обращение к опыту других стран в интеграции других меньшинств, в том числе цыган, также представлено весьма фрагментарно.

«Цыганский» вопрос, как лакмус, идентифицирует структурные пробелы современной чешской социальной работы: недостаток связи теории и практики, пробелы подготовки социальных работников, отгороженность между государственными социальными службами и общественными организациями, медленные скорости интеграции чешской социальной работы в общеевропейский контекст.

Останется ли цыганский вопрос только «зависимой переменной» развития социальной работы или трансформируется в позитивный фактор оптимизации социальной работы, – зависит и от темпов преобразования позиции специалистов.

Описание полевых данных

<i>№ информанта, место и время проведения интервью</i>	<i>Место работы</i>	<i>Стаж общих / Стаж работы с цыганскими семьями</i>
<i>Информанты нецыганского происхождения</i>		
1. Брно 2008	Социально-правовая защита	6/6
2. Брно 2008	Социально-правовая защита	4/4
3. Брно 2008	Социально-правовая защита	8/4
4. Брно 2008	Социально-правовая защита	7/5
5. Брно 2008	Социально-правовая защита	3/3
6. Острава 2008	Социально-правовая защита	12/12
7. Острава 2008	Социально-правовая защита	10/6
8. Острава 2008	Поликлиника	18/18
9. Брно 2008	Детский сад	12/6
10. Брно 2008	Школа	17/14
11. Брно 2008	Костел	2/1
12. Брно 2008	НКО	19/4
13. Брно 2008	НКО	12/4
14. Острава 2008	НКО	18/5
<i>Информанты цыганского происхождения</i>		
15. Брно 2008	НКО	2/2
16. Брно 2008	НКО	2/2
17. Острава 2008	НКО	4/4

Список литературы

Bhabha H. The location of culture. L.: Routledge, 2000.

Devore W. An Ethnic Sensitive Approach to Supervision and Staff Development: Part I and II // Social Work Education. № 10. 1991. P. 33–50.

Havrdová Z., Zamykalová Profesiční struktura a kvalifikační předpoklady pracovníků v sociálních službách. 1 ed. Praha: VÚPSV, 2001.

Herczog M., Neményi M. Romani Children and the Hungarian Child Protection System // Roma rights quarterly. 2007. № 4. P. 3–14.

Holland S. Child and Family Assessment in Social Work Practice. L.: Sage, 2004.

Kovařík J. Posuzování potřeb ohroženého dítěte // O. Matoušek (Ed.). Metody a řízení sociální práce. Praha: Portál, 2003. P. 201–229.

Navrátil P., Musil L. Sociální práce s příslušníky menšinových skupin // Sociální studia 5 – Sociální exkluze a nové třídy. Brno: MU, FSS, 2000. P. 127–163.

- Navrátil P. et al.* Romové v České společnosti. 1 ed. Praha: Portál, 2003.
- Navrátil P., Šišláková M.* Podmínky výchovy v romských sociálně vyloučených rodinách // T. Sirovátka (Ed.). Sociální exkluze a sociální inkluze menšin a marginalizovaných skupin. Brno: MU FSS, Georgetown, 2004. P. 137–161.
- Pierson J.* Tackling Social Exclusion. L.: Routledge, 2002.
- Šimíková I., Bučková P. and Smékal V.* Kvalita multietnického soužití // P. Navrátil (Ed.). Romové v české společnosti, 1 ed. Praha: Portál, 2003. P. 105–129.
- Šišková T.* Specifika romského chování a komunikace v Menšiny a migranti v české republice. My a oni v multikulturní společnosti 21. Století. Praha: Portál, 2001. P. 145–153.
- Zajištění monitoringu sociálně vyloučených romských lokalit v České republice vzhledem k probíhajícím nebo potencionálním migračním trendům ze Slovenska v období po vstupu do Evropské unie a podání souhrnné zprávy o stavu těchto lokalit zohledňující dosavadní integrační praxe (březen – srpen 2005).* Prague: International organisation for Migration, 2006.
- Žurovcová H., Vishwanathan K.* Changes in the Czech System of Child Protection and Hope for Children in Institutional Care // Roma rights quarterly. 2007. № 4. P. 15–22.

Павел Навратил

PhD, профессор кафедры социальной работы и социальной политики факультета
социальных наук Университета Масарик, Брно

электронная почта: navratil@fss.muni.cz

(Пер. с чеш. В.Р. Шмидт)
